

**Читайте мистические триллеры
Альбины Нури в серии «За гранью»:**

Вычеркнутая из жизни

Пропавшие в раю

Отмеченная судьбой

Очарованная мраком

«Философ хотел оттолкнуть ее руками, но, к удивлению, заметил, что руки его не могут приподняться, ноги не двигались; и он с ужасом увидел, что даже голос не звучал из уст его: слова без звука шевелились на губах. Он слышал только, как билось его сердце; он видел, как старуха подошла к нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила с быстротою кошки к нему на спину, ударила его метлой по боку, и он, подпрыгивая, как верховой конь, понес ее на плечах своих... Когда уже минули они хутор и перед ними открылась ровная лощина, а в стороне потянулся черный, как уголь, лес, тогда только сказал он сам в себе: «Эге, да это ведьма».

«...В тех же самых чертах он видел что-то страшно пронзительное. Он чувствовал, что душа его начинала как-то болезненно ныть...

Рубины уст ее, казалось, прикипали кровию к самому сердцу.

Вдруг что-то страшно знакомое показалось в лице ее.

— Ведьма! — вскрикнул он не своим голосом, отвел глаза в сторону, побледнел весь и стал читать свои молитвы...»

(Н. В. Гоголь «Вий»)

ПРОЛОГ

Всякий раз, когда вспоминаю ту страшную весну, когда перебираю в памяти подробности случившегося, меня мучает одна и та же мысль: могла ли я что-то изменить? Могло ли не случиться то, что случилось?

Раз за разом прокручиваю в голове всевозможные сценарии и варианты развития событий, выискиваю детали и подробности... Но как ни пытаюсь сложить пазл по-новому, мне это никогда не удается.

Иногда так хочется поддаться искушению и убедить себя, что всего этого не было и быть не могло. Но с таким же успехом можно встать на рельсы прямо перед надвигающимся поездом, закрыть глаза и упрямо твердить, что этот локомотив — лишь плод больного воображения. Результат будет один: тебя расплющит в лепешку.

Это действительно было, и было со мной — и от этого никуда не деться.

Но самое ужасное, что ничего еще не кончилось...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Пару лет назад отец произнес фразу, которая навсегда врезалась мне в память:

— В году триста шестьдесят пять дней, — сказал он, — в один из них человек рождается. А потом живет год за годом: триста шестьдесят пять дней, еще триста шестьдесят пять, еще, еще... И не подозревает, что какой-то из этих дней станет датой его смерти. Много раз перешагивает этот рубеж, переживает роковые сутки. Но однажды неизбежно споткнется.

Отец споткнулся о десятое февраля. До весны, которую любил и всегда ждал, он не дожил восемнадцать дней.

Случилось все внезапно. Папа, как обычно, вышел на балкон покурить перед сном. Азалия, его вторая жена, отправилась в ванную, а вернувшись, обнаружила, что мужа до сих пор нет в комнате. Забеспокоилась, стала звать. Выглянула на балкон — а он лежит там. Мертвый.

По крайней мере, так она рассказывала о том вечере всем, кто готов был ее слушать. Врачам со «Скорой» осталось только развести руками, констатировать смерть и выразить соболезнования вдове.

Очарованная мраком

Больше соболезовать было некому: я к тому времени перебралась в крошечную съемную квартирку и жила отдельно.

— Как же так, Наиль? Почему ты так рано ушел? — в сотый раз простонала Азалия и громко всхлипнула.

Тетя Нелли, папина старшая сестра, обняла сноху за плечи, успокаивающе погладила по руке и метнула в мою сторону укоризненный взгляд. Я прекрасно понимала, о чем она думает: сидит, мол, как каменная, ни слезинки. Дочь называется! А Аличка, даром что знала Наиля всего-то год, вон как убивается.

Я и в самом деле будто окаменела, покрылась ледяной коркой. Сидела, покачиваясь в такт движению автобуса, и не могла ни пошевелиться, ни вымолвить хоть слово. Даже дышать удавалось с трудом, мелкими, короткими рывками.

— Ничего, дорогая, ничего, успокойся, не плачь. Нельзя так, нельзя, — тихо шептала тетя Нелли, то и дело поправляя сползающие на нос очки. — Хорошо, хоть последний год жизни Наиль был счастлив благодаря тебе.

Азалия кивнула, мученически улыбнулась сквозь слезы и аккуратно промокнула глаза кружевным платочком. Женщины склонились друг к другу, словно попугаи-неразлучники, чуть лбами не стукнулись.

На мачехе была длиннополая норковая шуба и элегантная черная шляпка с траурной вуалью. И когда только успела купить?

Мы ехали в катафалке, сидя друг напротив друга, как генералы двух враждующих армий. Между нами

АЛЬБИНА НУРИ

лежал отец, закутанный в покрывала. Гроба не было: папу хоронили по мусульманскому обычаю. Я тупо смотрела на прикрытую куском плотной ткани мумию у своих ног и не могла заставить себя осознать, что *это* — действительно он.

Мой отец. Единственный родной человек на всем белом свете. Разве мог он уйти вот так, не сказав на прощание ни слова?

Зима в этом году была необычайно снежная. «Мело, мело по всей земле, во все пределы...» — всплыли в памяти знаменитые строки. Вечно у меня так! Хорошо ли, плохо ли — на уме одни стихи да романы. Мечты и иллюзии, полный отрыв от реальности. Всю жизнь читала, грезила... А отца уберечь не смогла.

Наконец автобус доехал до кладбища и остановился.

К могиле нужно было пробираться по узкой, протоптанной могильщиками тропочке между надгробьями. Снегу — почти по пояс. Все шли гуськом, след в след.

Я едва переставляла ноги в коричневых сапогах на два размера больше, чем нужно: моя собственная обувь осталась дома, в папиной квартире. Татьяна, соседка снизу и моя старшая подруга, чуть не силком стащила с меня замшевые коротенькие ботики:

— Совсем сдурела! Это все равно что босиком! Через пять минут ноги отморозишь!

— Да у меня нет других, — попыталась я отбиться от нее.

Какие сапоги? Какая разница?

Очарованная мраком

— Зато у меня есть, — отрезала Татьяна. — Надевай!

— Велики же...

— Главное, не малы! Носки дам, наденешь и пойдешь. Без разговоров!

С Татьяной всегда так: легче уступить, чем спорить. Пришлось натянуть и толстые носки, и сапоги, и теперь мне казалось, что на ногах у меня тяжелые кандалы. Я волочила их за собой покорно, как каторжник.

Похоронная процессия черной змеей вилась от аллеи к разрытой могиле. Вместе со всеми я продвигалась к ней ближе и ближе. Жирные вороны, похожие на чернильные кляксы, примостились на голых ветках, поглядывая умными глазами на вереницу людей.

Народу пришло много. Папиных коллег, деловых партнеров и некоторых приятелей я знала в лицо, хотя и не всех помнила поименно. Они подходили ко мне, что-то говорили тихими печальными голосами. Некоторые неловко, торопливо совали мне деньги, точно стеснялись чего-то. Чего? Того, что они живы и здоровы, у них все хорошо и спокойно, а я хороню отца?

Родственников у нас мало. Из маминых и вовсе никого не осталось. Дедушка и бабушка, мамины родители, умерли вскоре вслед за ней. В тот же год. Не смогли пережить смерть своего единственного ребенка.

Папины родители тоже умерли, осталась только сестра, тетя Нелли. После института уехала по распределению в Екатеринбург, тогда он еще назывался Свердловск, — да там и осталась. Вышла замуж, роди-

АЛЬБИНА НУРИ

ла сына и дочь, так что у меня есть двоюродные брат и сестра. О которых, впрочем, я знаю куда меньше, чем об известных актерах или телезвездах. Любой, кто хоть изредка смотрит телевизор или пользуется Интернетом, в курсе их дел. А Лена и Саша живут и живут себе за Уральскими горами. Что там с ними происходит? Если честно, я даже не помню точно, сколько им лет.

На похороны брат с сестрой не приехали, их отец тоже. Да и к чему им приезжать? Чтобы посмотреть, как тело чужого им человека опустят в мерзлую глину?

Больше половины пришедших были родными, знакомыми и коллегами Азалии. Они сплоченным коллективом сгрудились возле нее: переминались с ноги на ногу, похлопывали вдову по плечам, утешали, лили за компанию слезы, вздыхали, качали головами. Косились на меня, и я легко читала в их взглядах осуждение вперемишку с жадным любопытством.

Возле могилы стоял папин лучший друг Альберт Асадов, любимый мною с детства дядя Алик. Постаревший, осунувшийся, с трясущимися руками и застывшим взглядом, он выглядел ужасно даже для такого момента. В другое время я бы сильно забеспокоилась, но теперь могла только отстраненно отметить про себя этот факт. На большее меня не хватило.

Жена дяди Алика, Зоя Васильевна, держала мужа за руку, готовая в любую минуту метнуться к нему с лекарствами наизготовку. Вчера вечером у Альберта случился сердечный приступ, и она боялась повторения. Детей у них не было, и они жили, постепенно

Очарованная мраком

врастая один в другого, наподобие сиамских близнецов.

С дядей Аликом папа дружил лет тридцать. Они вместе работали на заводе, в проектно-отделе, вместе ушли оттуда в бизнес, основали архитектурно-строительную фирму «Мастерская Айвазова и Асадова». Теперь фирма тоже осиротела.

Со стороны аллеи, разрывая скорбную кладбищенскую тишину, внезапно зазвучала музыка. Я вздрогнула от неожиданности и споткнулась, ткнувшись носом в спину идущей впереди женщины из свиты Азалии.

«Опустела без тебя земля», — плакала, причитала скрипка. Ее голос словно ввинчивался под кожу, дергая обнаженные нервы.

— Скажите кто-нибудь, пусть перестанет! — не выдержала я.

Выкрик получился хриплым, грубым, как будто я разучилась говорить. Все стали оборачиваться, смотреть в мою сторону, как вороны с веток.

Мужчина в солидной коричневой дубленке, кажется папин бывший одноклассник, протиснулся к аллее и начал что-то говорить рокочущим начальственным басом. Музыка резко смолкла.

— Человеку тоже зарабатывать надо, — проговорила женщина впереди, не успев понизить голос.

Конечно, а как же...

Спустя примерно час все было кончено. Возле могилы не осталось никого, кроме меня. Я сидела прямо на снегу, глядя на черный гранитный памятник — мамин. Отец всегда хотел быть похороненным возле нее. Азалия заикнулась было о новом кладбище

АЛЬБИНА НУРИ

за городом, но тут решительность проявила тетя Нелли: она помнила папины слова на этот счет и хотела исполнить его волю.

Теперь папа с мамой навсегда вместе. Им отворились двери в вечность, и они знают самую главную тайну, ту, что открывается только после смерти.

Сознание неизбежного одиночества и оглушающее, тяжкое горе вдруг тонким клинком воткнулись в мой измученный мозг, и я наконец заплакала. А начав, не могла остановиться. Скорчилась на истоптанном снегу и выла, как потерянная собачонка, захлебываясь слезами.

В голове вспыхивали и гасли обрывки мыслей.

Папы нет и больше не будет. Он никогда не придет. Не спросит, как дела. Не засмеется. Не произнесет громко в телефонную трубку свое всегдашнее: «Да, слушаю». Не обнимет. Я не услышу его голоса, не поцелую в колючую щеку, не почитаю своих стихов. Никогда не смогу сказать ему, как сильно люблю, и не сумею попросить прощения. И он не ответит мне: «Брось ты, это же такая ерунда в масштабе жизни».

У него больше нет этой жизни. Наверное, и даже наверняка, есть другая, но этой-то точно нет. И масштабы у него теперь совсем иные. Мне до них не дотянуться.

Я любила отца какой-то суеверной любовью, как язычник, припадающий к своему деревянному идолу, и всегда, всю свою жизнь боялась потерять его. Ведь он был моим миром, моим другом и соратником, и я никогда не мыслила себя в отрыве от него. Мне казалось, мы спаяны навечно, и если его не будет,

Очарованная мраком

в этот же миг не станет и меня. Все было стабильно, справедливо, правильно при одном условии: папа — в пределах досягаемости. Даже когда мы отделились друг от друга в прошлом году, он все равно — был.

А сейчас, когда его не стало *окончательно*, я каждую секунду ощущала жуткую, неисправимую пустоту. Как можно приучить себя жить с такой дырой в сердце? Это похоже на ампутацию части души. Оторванная часть ныла и дергалась, заставляя меня мучиться от фантомной боли.

Я плакала и плакала, но слезы не приносили облегчения, только делали больнее, рыдания царапали, рвали горло и душу.

ГЛАВА 2

Мама умерла, когда мне было четыре года. Самое яркое и четкое детское воспоминание связано как раз с ее смертью: я помню, как папа, стоя на коленях, обхватил руками гроб, и плечи его тряслись от рыданий.

Я почти не помню маму — так, чтобы самостоятельно, своей собственной памятью, а не по фотографиям и папиным рассказам. И в этом заключается весь ужас и огромная несправедливость. Помню свою безграничную любовь к маме, но не ее саму! В памяти осталось ощущение заботы, тепла и покоя, мягкость светлых пушистых волос и невыразимо уютный и родной запах. Никогда не признаваясь в этом отцу, зная, как больно будет ему это услышать, я всю жизнь

АЛЬБИНА НУРИ

тосковала по маме. Практически не помнила ее присутствия, но остро ощущала отсутствие.

У нее обнаружилось редкое страшное заболевание — рассеянный склероз. Последний год своей недолгой жизни она провела в Москве, в больнице. Мы с папой приезжали туда навестить ее, когда врачи разрешали.

Мне вспоминается палата с тремя койками, раковина в углу и то, как солнечные лучи косыми полосками лежали на желтом линолеуме. От этого пол нагревался: получалась одна полоска теплая, другая прохладная. Я ходила по полу в одних носочках и ступнями ощущала то тепло, то холод.

Мама прижимала мою голову к своей груди, целовала в макушку и что-то говорила, теперь уже не вспомнить, что именно. Однажды я почувствовала, как на руку мне упала теплая капля, подняла голову и обнаружила, что мама плачет. Никогда раньше я не видела, чтобы кто-то из взрослых плакал! Так растерялась, что тоже заревела.

Потом, когда стала чуть старше, я спросила отца, почему мама тогда плакала: ей было больно? А папа ответил, что нет, она рыдала вовсе не от боли. Маме было страшно.

— Она боялась умирать? Умирать страшно? — с детской прямоотой поинтересовалась я.

Отец помолчал минутку, а потом ответил:

— Нет, дочь, я думаю, пугает не смерть сама по себе. Мама ведь просто ушла в иной мир. Люди не исчезают бесследно, они уходят туда, где мы уже не можем их видеть. Но они видят тех, кто остал-